

Лев ДУРОВ:

Театр — заведение странное

Разговор с человеком, знающим о нем все

В кино Лев Дуров сыграл около ста ролей, всего же их у него больше двухсот. К тому же он неплохой столляр. К тому же он прекрасно дерется и обладает отзывчивым сердцем. На гастролях в Свердловске, заступившись за парнишку, он шутя раскидал нескольких качков, отнимая у пьяной компании девушку, получил удар ножом. Дуров — человек-динамит, стремительный, моторный, взрывной, несмотря на некрупное сложение, удивительно сильный. Живет он на износ, вечно разрываясь между несколькими новыми ролями и собственной режиссурой. Я поймал его между двумя репетициями — с сорванным голосом, закутанным горлом, в ужасе перед предстоящим выходом на сцену.

— Лев Константинович, ваша жизнь по-прежнему проходит между съемочной площадкой и репетиционным залом?

— Да, здесь, слава Богу, ничего не изменилось. Недавно в театре на Малой Бронной вышли «Страсти по Торчалову», спектакль, который я ставил. Свои работы хвалить не полагается, но мне он интересен, да и публика принимает его очень тепло. Сейчас иду пьесу для новой постановки. Одновременно репетирую в «Чайке», которая скоро выйдет в театре «Школа современной пьесы». В спектакле Иосифа Райхельгауза я буду играть Дорна.

У меня есть роль в новой ленте Чикова «Не послать ли нам гонца?» — это продолжение фильма «Не валяй дурака, Америка», который не так давно прошел по телевидению. Режиссер Мельников пригласил меня в Петербург — сниматься... Так что дел много.

— Как вам работалось в «Сироте Казанской», в звездной компании, которую собрал Машков, как вы нашли его самого? Он ведь человек своеобразный...

— Машков оказался очень интересным, тонким, любящим артистов режиссером. Он ни на кого не давил, на съемочной площадке торжествовал дух актерского товарищества. Но при этом Володя отлично знал, чего он от нас хочет, и прекрасно понимал, как этого добиться. Работал он скрупулезно и тонко. Все было точно продумано, и любая импровизация, возникавшая на съемках, на самом деле была просчитана заранее.

— Со стороны, между тем, он производит впечатление редкого шалопая.

— Машков его играет, причем так убедительно, что зное количество умных людей не понимает, где кончается роль и где начинается исполнитель.

— Вы много играете на стороне, а в театре на Малой Бронной новых ролей у Льва Дурова нет. У вас ни разу не возникало соблазна оставить эту сцену и поискать счастья в другом месте?

— Нет. Ни разу. На Бронной у меня были и счастливые, и трагические времена, но уйти я не хотел никогда. Пусть сейчас я работаю не в одном театре, пусть одно время получал зарплату сразу в трех — на Бронной, у Райхельгауза и в антрепризе Трушкина, — но это ничего не меняет. Бронная по-прежнему остается моим родным домом, и я никогда не забуду, что с ней связаны все мои лучшие работы.

— Ваши коллеги часто говорят о себе, «я — актер такого-то режиссера». А вы свой собственный?

— Я актер Эфроса. Всем, что я умею, я обязан ему.

— Я слышал о молодом Дурове, который, три года проработав с Эфросом в Ленкоме, говорил, что, если того сманят из театра, впору лезть в петлю... Потом я сам был свидетелем полнейшего непонимания между режиссером и его актерами. Режиссер рстал начал им завуалированные упреки в своих статьях, один из его учеников сказал буквально следующее: «Если он снова займет меня в своем спектакле, я его убью».

— Об этом времени существует много легенд, и каждый толкует их по-своему. Актеры театра на Малой Бронной повзрослели, стали самостоятельными. Анатолий Васильевич, в свою очередь, тогда от нас устал. Ему хотелось видеть в труппе новые лица — так на Бронной появились Петренко, Коренева, Ульянов, Даль, Любшин... Он имел на это полное право, а все, чем это обросло, было трагическим недоразумением.

Легенда о том, как Мастера предали ученики, пустила такие глубокие корни, что их уже, пожалуй, и не вырвешь. На самом же деле все было не так, все было и проще, и сложнее одновременно. (Эту катавасию, кстати говоря, заварили вовсе не актеры и не режиссер — поленья в костер подбрасывал некто третий). Но дело даже не в этом. Театр обладает свойством перемалывать дружбу, иллюзии, отношения между учителем и учениками: так было и во

МХАТе при Станиславском и Немировиче-Данченко, и на излете раннего «Современника», и где угодно еще. Такие истории обладают страшной разрушительной силой — но без них нет сцены.

— Говорят, что большому, состоявшемуся актеру искусство режиссурой не страшно — для этого он слишком удовлетворен собственной профессией. Вы же все время выпускаете новые спектакли...

— В режиссуру меня втянул Эфрос — еще в детском театре я ассистировал ему на спектакле «Друг мой Коляка». Я не напрашивался — он сам много раз приглашал меня к себе в помощники. Эфрос отдавал мне на откуп целые сцены, я репетировал самостоятельно, придумывал финалы и начала спектаклей... Часто я готовил целый акт, а потом показывал ему, и он его правил. Но ведь всю жизнь нельзя ходить в подмастерьях. Мне захотелось самостоятельности — и Эфрос стал самым жестким оппонентом моей режиссуры. Когда рядом — все замечательно. Когда отошел чуть в сторону — стой! Ку-да?

Что поделаешь, театр — заведение странное.

— Кем бы вы стали, если бы не это заведение?

— Рабочим. Столяром. Шпальной. Я ведь из очень простой семьи — отец работал взрывником, мать в Военно-историческом архиве. Я родился и вырос в Лефортово, в Немецкой слободе, на задворках двorca Петра Великого. Учился я ужасающе, дневал и ночевал на улице — был голубятником, дрался стенка на стенку... И вот как-то после очередной драки совсем незнакомый парень привел меня во Дворец пионеров, в драмкружок. Там я и остался. А после школы подал документы сразу в Школу-студию МХАТ и в Щукинское училище — был всюду принят, и выбрал Художественный театр. После института звали в труппу МХАТа, да Ефремов отговорил: «Это могила, иди лучше к нам, в Центральный детский». Так

я и сделал, и там встретился с Эфросом. А сам Олег сейчас во МХАТе — стоит на капитанском мостике Титаника и говорит о вечных традициях Художественного театра... Что и говорить — мне всегда везло.

— А, так вы из простых! Вот откуда ваша телесная крепость — я помню, в «Дон Жуане» вы взлетели по стене вверх на два человеческих роста и повисли, держась за нее руками, вытянутыми перед грудью...

— Из простой семьи, но не из простых. Род Дуровых известен с 1540 года — мы занимаем шестую часть всех русских геральдических книг, моей родственницей была кавалерист-девица Надежда Дурова, Пушкин вспоминал об одном из моих предков, сарапульском градоначальнике Дурове, оставившем его в карты. А физическая сноровка у меня действительно врожденная. Я никогда ничем специально не занимался (актер не имеет на это права — различные виды спорта закабаляют разные группы мышц), но мог сделать со своим телом все что угодно. Мои фортели пытались повторить гимнасты и качки, актеры и рабочие сцены. Они срывали спины и садились на больничных, с грохотом валялись в зрительный зал и костерили меня на чем свет стоит... А я только руками разводил — откуда мне знать, как я это делаю, я не акробат, я актер и режиссер.

— Как складываются отношения между новым главным режиссером Сергеем Женовачем и старожилыми труппы? Он ведь их в собственных спектаклях не занимает, работает со своей командой — нормально ли это?

— Мне бы хотелось, чтобы обе части труппы слились, но пока это не получается. Сейчас под нашей крышей живут два театра. Я бы дорого отдал за то, чтобы мы были едины, но это, к сожалению, зависит не только от меня.

Актеры не раз просили меня стать художественным руководителем театра на Малой Бронной, но я отпихивался руками и ногами: «Если вы меня хоть немного любите и уважаете, никогда больше об этом не поминайте». А Женовач не испугался ответственности за наш театр, так пусть он и вытягивает воз.

— Что ж, во всяком случае, открытого конфликта на Бронной нет. Впрочем, вы всегда были легким человеком и, когда хотели, отлично ладили с людьми...

— Это одна из составляющих профессии. Я легко прочитываю собеседников, знаю, как к ним подойти и как их к себе расположить. Я и с начальством умел ладить, да так, чтобы оно не садилось мне на шею. Секрет прост — притворись мальчишкой глупым, если умным хочешь быть... Но сам для себя я человек нелегкий. С депрессией я борюсь своими методами: когда у меня наступает черная полоса, я обычно начинаю петь. Или принимаюсь возиться с деревом — я ведь недурной столляр.

— В такие минуты вы никогда не задумываетесь о том, на что потратили жизнь? Ведь театр не только странное, но и жестокое заведение. Предательства, потерянные иллюзии, необходимость приспосабливаться являются в нем условиями игры. В любой нормальной труппе, как в джунглях, идет борьба за выживание — не говоря уже об извечном антагонизме между актером и режиссером... Вам не страшно оглядываться назад?

— Для этого я слишком хорошо знаю сцену. Летчик-испытатель тоже ведь знает, что в Жуковском есть огромное кладбище летчиков... Но он все равно садится в самолет. Если судьба назначила тебе быть актером, то оглядываться нечего — работай и надейся на лучшее.

Алексей ФИЛИППОВ,
«Известия».
Фото Виктора АХЛОМОВА.